

Переводы философских текстов

Antoni Klaus. Mythos und Ideologie im nationalsozialistischen Deutschland und im kaiserlichen Japan der fuhren Showa-Zeit²

Перевод с нем. Язовской О.В.

Антони Клаус. Миф и идеология в национал-социалистической Германии и в императорской Японии в ранний период эпохи Сёва

1. Введение

Национал-социалистическая Германия за неимением демократических институций выражения и формирования мнения пускала в ход внутренний шпионаж, внутреннюю разведку своего народа. Этот образ действий привел к большому количеству докладов о мнениях, курсирующих в народе, слухах и оценках настоящего положения. Объединенные и перевязанные эти тайные донесения об обстановке службы безопасности СС предоставлялись в распоряжение государственных органов с 1938 по 1945 как «Донесения из империи» [1].

Для тех же, кто интересуются Японией, здесь открывается богатый источник, в соответствующих шпионских докладах даже подробно сообщается о картине, которая выкристаллизовывалась в

² Antoni Klaus. Mythos und Ideologie im nationalsozialistischen Deutschland und im kaiserlichen Japan der fuhren Showa-Zeit // Referate des VII. Deutschen Japanologentages in Hamburg. MOAG, Band 111 / Herausgegeben von Klaus Antoni, Peter Portner, Roland Schneider. – Hamburg: OAG Verlag, 1988. S. 38-51

немецкой общественности по отношению к Японии, союзнической державе в Восточной Азии.

В частности вызывает интерес «Донесение из империи, №306» от 6 августа 1942 года. Оно посвящено «Точке зрения на Японию в народе» [2].

Доклад начинается с констатации:

«Со вступления Японии в войну и в частности с ее неожиданно быстрых и далеко идущих успехов в восточноазиатском пространстве многие соотечественники во всех слоях, как вытекает из периодических донесений, в большей мере имеют дело с глубокими основами, которые дают возможность японскому народу, несмотря на многолетнюю войну с Китаем, также вести новую войну с поразительной ударной силой. Сверх поверхностных слухов о “желтой опасности” соотечественники чаще всего хотят проникнуть в *душевное состояние японцев*, в котором они видят более сильный секрет японского наступления, чем в материальном военном потенциале...

Такое обстоятельство, что в Японии *не христианская религиозно-мировоззренческая основная установка формирует и определяет жизнь, политику и военное участие* и очевидно обнаруживает большой успех и привело бы к во много раз большему *по сравнению с религиозно-мировоззренческой ситуацией в империи*» [3].

Самоотверженность японских солдат привела бы в Германии, так им образом отмечает это дословно сохраненное сообщение везде в сослагательном наклонении,

«к чему-нибудь вроде “комплекса неполноценности”. Японец, так сказать, представляется как “немец в квадрате”. Считается, что еще и сегодня у японца можно встретить такие качества, которые сообщаются нам из глубин веков героями саг. Наряду с похожей на лозунги речью о ‘желтой опасности’ распространяется *известный пессимизм, что в Японии все еще якобы действует избыток силы, который однажды ознаменует и нашу историю*, чья мифологическая величина признается борьбой, которая велась нами в настоящее время, как раз не в той мере как у японцев (именно так сказано!), что столетия христианства, к сожалению, нельзя ‘исправить’ и что японская сила однажды могла бы обернуться против нас» [4].

Японцы как “немцы в квадрате” – из этой глупой формулировки кое-что говорит о вселении неуверенности, но также и об одобрении, и даже о восхищении. Так текст, наконец, уже явно обращается к вопросу, в какой мере могла бы Япония действовать как мировоззренческий образец для Германии. «Вопросы мировоззренческого и религиозного переустройства», так это называется, «с живостью вызывают сравнение с Японией» [5].

Наконец доклад достигает своего центрального высказывания:

«Господствующим остается среди читателей впечатление *абсолютного внутреннего единства Японии...*

Даже из естественного сравнения с европейским развитием, которое не избавило нас от многих несчастий, для многих соотечественников получается такая картина, что Япония остается без внутреннего перелома, что весь японский народ по сей день создается единым, и современное состояние Японии передает мифологическую величину, которая соединяется у нас лишь с представлением давно минувших исторических эпох» [6].

2. Основы концепции *кокутай*

Немецкое восхищение Японией, которое, и здесь это можно отметить всего лишь бегло, можно обнаружить также и у личности Гитлера [7], концентрируется преимущественно на двух областях: военной с тем, что понимают под *бусидо*, и, прежде всего, народно-национальной, т.е., как считают, абсолютная гомогенность японского народа, его нерушимое единство с правителем, его непрерывная история и независимость от чужих идей.

Отсюда следовала с достаточной очевидностью такая картина, которая также в самой Японии в то время неустанно обрисовывалась собственной культурой.

Собственное и несравненное национальное существование Японии, едва ли выражающее поддающееся переводу понятие

кокутай, заключается согласно официальной позиции государства, действующей с периода реставрации Мэйдзи, по сути, в постулате абсолютного единства самого народа, так и императора как его отца, в подлинном смысле понятого как национальная семья.

Опору этой идее, как известно разрабатывавшейся в основном у мыслителей эпохи Эдо школы Кокугаку и чуть позднее Митогаку, дает японская мифология. Аматаэрасу, богиня солнца и прародительница императорской династии, со своим поручением вечного правления над Японией роду небесного внука заложила основу этой необычной национальной форме.

Уже Мотоори Норинага писал во введении к своему главному сочинению *Кодзикидэн*:

«Великая страна, управляемая императором, – это Великая страна, где появилась августейшая, внушающая благоговение богиня-прародительница Аматаэрасу оомиками. Причина ее превосходства над другими странами прежде всего в этом и заключается. Среди стран нет [таких] стран, которые бы не испытывали благоденствий Великой богини» [8].

Для Норинага было неопровержимым фактом то, что «Настоящее время ничем не отличается от Эры богов» [9]. Только изучение прошлого делает возможным познание своеобразия японской культуры. Идеал будущего таким образом, по его мнению, был осуществлен уже в далеком прошлом, впрочем, это китайская мысль по своим основаниям. Тем не менее, для него, как и для всей школы Кокугаку, все китайское было неприемлемо, и оно было проявлением фальсификации собственной культуры. «Если во чтобы то ни стало вы стремитесь к Пути, – пишет Норинага, – то надо, очистившись от низкого сердца китайских книг и приобретя здоровое

сердце нашей страны, тщательно изучать древние японские книги» [10].

Критика Норианага «китайского пути» все же превышает область чисто политических аргументов. Для него Китай был в большей степени оплотом образа мыслей, шедшего в своем проявлении по неверному пути, и имел абсолютно фальшивый взгляд на реальность, который пользовался разумом и рациональностью и должен был быть скрытым для человеческого понимания. «Человеческое знание, – постулирует Норианага, – ограничено; и поскольку истинные принципы непостижимы, то как можно утверждать понимание, например, происхождения неба и земли, или других подобных принципов» [11].

Только японские предания, по его мнению, сохранили действительные события. Поэтому все заграничные учения, как конфуцианство, так буддизм, должны быть отвергнуты. И если в конфуцианстве следует порицать человеческую надменную рациональность, примат разума, то и буддизм по Норианага не приносит никакой пользы людям. Также он является «непригодно пустой теорией», «набожным обманом», которому в заблуждении следуют только глупые сердца [12].

Связывая тонкой нитью японский путь с «китайскими учениями», осужденными школой Кокугаку, школа Мито в итоге разрабатывает канон концепции *кокутай*, используемый в обязательном порядке с периода реставрации Мэйдзи. Изначально китайские этические категории детского почтения и общественной лояльности преобразуются по своему отношению к императорской династии в чисто японские добродетели, которые с самого начала были свойственны империи и ее жителям и составляли ее особенное существование.

Этика теперь больше не является тем, что поддается изучению, это скорее то, что является врожденным, предопределенным этнически. Исходя из божественного происхождения императора и народа, принятого как факт в государственном синто, божественные добродетели являются имманентной частью японской нации.

Эти идеи, представленные здесь в наиболее сжатом виде и более детально описанные в других местах [13], приводят в 30-ые годы к несравнимой национальной заносчивости, чье письменное свидетельство представлено среди прочих в *Кокутай но хонги*, официальном разъяснении 1937 года к «императорскому закону об образовании» [14] от 1890 года [15].

Преимущество собственной нации, ее добродетель, превосходящая все другие страны, в дальнейшем делает законным притязание Японии на господство в Восточной Азии. Также здесь снова есть мифологические древние времена, которые и задают модель. В *Кокутай но хонги* называют войны против России и Китая, закончившиеся победой для Японии, аннексию Кореи во время эпохи Мэйдзи, так и основание Маньчжоу-Го, эта колонизация придерживалась только области расселения японского народа в древности, борьбы против Айну и Кумасо, наступлению Дзингу Кого против Сираги [16].

Для изображения непрерывности истории, так значимой для идеологии, *Кокутай но хонги* всегда пользуется тем же образом: некоторые примеры взяты из древности, летописных описаний *Кодзики* и *Нихонги*, а за ними неожиданно следует соответствующее событие большей частью из периода правления императора Мэйдзи. Таким образом, можно без всяких проблем пропускать огромные исторические периоды, которые лежат между эпохами. Фактически появляется иллюзия единой прямой линии традиции.

Если мы хотим установить на этом фоне, почему картина Японии как архаически героической гомогенной нации смогла привести к такому большому отклику в Германии, то мы, следовательно, должны перейти к вопросу, какое значение получила мифология в национал-социалистической идеологии, т.е. в чем состояла почва идеологии, на которой вообще могло вырасти подобное восхищение.

Все же здесь задумано не полное изложение; должны быть выделены и освещаются лишь некоторые важные аспекты, которые отсылают к параллелям в феноменологическом отношении между японской и немецкой идеологиями [17].

3. О функции мифологии в национал-социализме

Элард Хуго Майер в 1877 году в своем предисловии к третьему тому «Немецкой мифологии» Якоба Грима замечает следующее:

«Он осознал здесь то, что сообразно с этим мифология должна стремиться обнаружить и определить свойственное каждому роду для того, чтобы отчетливее стало видно направление целого» [18].

Народные идеологи более позднего времени дают этот в своей основе пока внеполитически научный замысел в ином истолковании и преобразуют его в националистски расистскую идеологию обновления.

Распространению идеологии способствовала как в Японии, так и в Германии общеобразовательная школа [19].

В таком понимании был составлен учебник «Книга мифов – мир немецких мифов и сказок как источник немецкого мировоззрения» некого Курда Нидлиха, изданный «Союзом немецких церквей» в 1936 году.

Во введении автор недвусмысленно излагает идеологические намерения своей работы. Не научное исследование мифов является его целью, речь идет большей частью об обнаружении якобы скрытой там внутренней «истины», которая не может быть понята рациональным познанием.

«Из остатков разрушенной древней стены я хочу построить новое немецкое мировоззрение», – замечает автор [20].

Понять мифы исключительно посредством интуиции как источник и выражение своеобразной национально-народной этики – это основание кажется нам необычайно знакомым, если мы представим себе антирационалистическое учение школы Кокутаку и идеи *кокутай* в государственном синто. И так как в Японии государственное синто подразумевает отдельное и вместе с тем стоящее над всеми религиями открытие сущности Японии, то того же самого требует и создание «немецкой религии», которая должна быть передана с помощью школы.

Вместе с тем идеология довольно долго не приводила к конечной последовательности. В своей обширной работе «Вечная Германия. Наш миф и его изменение» 1935 года автор, Герхард Рааб, дополняет идеологию дальнейшими элементами.

В частности автора волнует вопрос о своем и чужом в культуре. При этом он приходит к заключению, которое, впрочем, в этой форме всегда находит применение в Японии:

«Ролью немецкого духа всегда было восприятие чужого и напротив близкого импульса, его разъяснение и отмирание в форме, наиболее соответствующей виду» [21].

В «соответствующей виду форме», в древнегерманском, Рааб видит «миссию» Германии в Европе. Воплощением этого идеала в истории ему представляется рыцарский орден Пруссии: «монастырский порядок их жизни требовал полной отдачи себя... Их жизнь (не давала им) ни часа и ни места для хоть какого-нибудь собственного бытия» [22].

Мы напоминаем, что как раз в Японии заклинание аскетизма у военных и явный отказ от индивидуализма и «Я» входят в состав оснований идеологии *кокутай*.

Так *Кокутай но хонги* прямо указывает на параллельность развития в Японии и Европе, которая также как раз начинает отказываться от индивидуализма [23].

Следующий пункт в аргументации Рааба позволяет нам еще больше думать о Японии. Здесь автор заклинает непрерывность немецкого существования, которая в ходе истории якобы оставалась скрытой в глубине.

В этой связи даже упоминается выражение о «прямой линии»:

«Мы отыскивали признаки наших мифов и нашего духовного и расового происхождения вплоть до ледникового периода. Мы увидели, несмотря на все блуждания, вопреки всей отчужденности и разбросанности, одну прямую линию, идущую от древнескандинавского проживания зимнего солнцестояния до наших сегодняшних мышления и восприятия, и хотели найти ту линию в прошлом тысячелетии также только от инстинктивного стремления нашей крови и сохранить ее... Это все открывает нам то, что жизнь нашего народа имеет совершенно другую меру времени, чем у всех остальных народов» [24].

Здесь наконец-то совершен последний идеологический шаг: от постулирования так называемого «свойственного виду» к исключительности, к несравненности.

Все же в противоположность Японии отсутствует аутентичность идеи об исключительности. Если в японском предании есть священная «Эра богов», которая отмечает начало, то здесь в качестве суррогата подлинного мифологического начала вынуждены ставить такое совсем не поэтическое понятие как «ледниковый период».

В заключении мы подходим к рассмотрению идеолога Альфреда Розенберга, который как никто другой пытался превратить расистский образ мысли и германский дух в идею немецкой современности.

Ядро его мировоззрения, которое косвенным образом задевает также представленную здесь проблематику, прежде всего, чисто феноменологической параллели между немецкой и японской народными идеологиями, как мне кажется, представлено в комментарии Розенберга к 24 параграфу программы партии НСДАП. Эта статья сначала требует «свободы всех религиозных учений в государстве», чтобы потом недвусмысленно сокращенно добавить, «если они не угрожают этому состоянию или не нарушают нравственное или моральное чувство древнегерманской расы» [25]. В своей комментарии к этой статье автор, еще тогда признанный главным идеологом НСДАП, поясняет следующее:

«Нравственность обусловлена расой, а отнюдь не абстрактно католически, протестантски, мусульмански» [26].

Розенберг без конца подчеркивает особенно этот параграф; его значение для всей идеологической системы автор показывает в другом месте тем, что он возвеличивает его как исходный пункт для, как он это называет, «национал-социалистического государственного принципа», который должен был звучать: «Государственная власть

Германской империи основывается на сохранении национальной чести» [27].

Розенберг, впрочем, почти полностью игнорирующий в своих работах Японию, но зато тем чаще ссылающийся на Китай и конфуцианство, достигает здесь идеологической точки, которая находится в близком соседстве с идеями *кокутай*, «национальной сущности». Также в концепции *кокутай* представлено постулирование этнически относительной, врожденной этики в качестве нравственного ядра и фундамента государства, и понятие *кокутай*, «национальная сущность», вполне можно перевести как «национальная честь» [28].

Розенберг, который, как это уже было обозначено, в своей главной работе «Миф 20 века» [29] подробно говорит о классическом Китае и изображает его как абсолютный идеал «народного единства», чья сущность воплотилась в Конфуции, более того он ставит в центр своих рассуждений собственную основную идею, напоминающую китайские, а также японскую школу Кокугаку: идею совершенной, образцовой древности. Отвергается идея прогресса, высшая точка в культуре народа лежит в основе уже с самого начала, в древнейших мифах и сагах; исходя из этого, можно фиксировать только метаморфозы, а не дальнейшее развитие.

Все же «абсолютная истина» не может быть схвачена с помощью рационального знания: для познания «абсолютной истины» подходит наиболее важная функция переданных мифов и саг. В стиле автора это звучит следующим образом:

«предельное 'знание' расы свернуто лежит уже в ее первом религиозном мифе» [30].

4. Заключение

Если это берется внутри описанного идеологического контекста, то неудивительно, что официальная японская самооценка произвела впечатление в Германии 30-40-ых гг.

В Японии уже все казалось претворенным в жизнь, над чем так сильно трудились народные идеологи Германии: нерушимая гомогенность нации, основанная на базисе древней мифологии, которая, казалось, в противоположность Германии никогда не была отрезана, мистическое единство руководства и народа, обусловленность добродетели и всеобщей этики посредством расы и вытекающей отсюда национальной сущности, отклонение от всего в прошлом могущественного в культурном плане чужого в связи с отказом от рациональности и разума как необходимых категорий мышления, вместо этого пропаганда 'соответствующе интуитивного', эмоционального знания архаической «истины».

«Единство» и «гомогенность» были целью не только немецкого национал-социализма, но и японской идеологии *кокутай*.

В этих системах *мифология* играла основополагающую роль для духовного обоснования и легитимации идеологии. Посредством мифологии мнимо архаичные культурные идентичности постулируются в идеализированном завышении. Как в Японии, так и в Германии мифологии дают основание присягнуть неподдельному национальному своеобразию существующей прежде «идеальной эпохи», которая в ходе исторического развития была подвергнута лишь процессу упадка. В Японии со времен школы Кокугаку эпохи Эдо за это крайне негативно оцениваемое развитие ответственно культурное влияние Китая и буддизма, в то время как в Германии злым духом автохтонной культуры слынут «восточное» христианство и культура античности. Обе идеологии в дальнейшем резко

поворачиваются против идей традиционных духовных центров соответствующего им культурного круга.

В качестве противоположных моделей ими развиваются доктрины соответственно «собственных» образов мыслей, которые определяются посредством знания, понимаемого интуитивно, вместо рационально анализируемого знания.

Все же обнаружению своеобразия препятствует не только рационализм Китая или Рима, но и «чужие» религии. Как в Японии буддизм ответственен за длившееся столетия подавление «истины» синто, так и немецкие идеологи усматривают главного врага в христианстве.

Таким образом, могут быть зафиксированы как в основе согласованные следующие идеологические суждения:

1. Переданная традицией мифология как свидетельство национального своеобразия.
2. Вытекающий из этого отказ от рационального мышления, которое исторически идентифицируется с Китаем и соответственно античностью.
3. Поворот от религий, оценивавшихся как чужие: от буддизма и соответственно христианства; постулирование собственной, основанной на мифологии национальной религии [31].
4. Постулирование национально обусловленной, передающейся по наследству нравственности; простота, эмоциональность, любовь к природе как в Японии, так и в Германии играют роль организующих элементов также, как и солдатский дух и антииндивидуалистский облик человека.

Историческая действительность в этих представлениях изображается несущественной категорией.

Если посмотреть с исторической точки зрения, то все же кажется показательным, что даже Япония рассматривалась как памятник национального единства и непрерывности, именно та Япония, которая только несколькими десятилетиями ранее в отсутствии даже этих качеств планомерно развивала идеологию вечной империи и при этом, как нарочно, брала за образец европейские христианство, как следует из комментариев к конституции Ито Хиробуми.

Мифология как национальная связующая нить в Японии, как и в Германии, всегда была Химерой, погоня за которой окончилась в хаосе.

Примечания:

1. Широкой общественности эти документы недавно стали доступны в учебном издании из 17 томов. О функции этих докладов в национал-социалистическом государстве см.: Jäckel 1981: 141ff.
2. См.: Boberach 1984, Bd. 11: 4042-4047.
3. Boberach 1984, Bd. 11: 4043.
4. Там же.
5. Boberach 1984, Bd. 11: 4044.
6. Boberach 1984, Bd. 11: 4046.
7. Несмотря на мировоззренческую оценку Гитлером японцев как народа, лишь обладающего, но не основывающего культуру (см.: Jäckel 1981: 100; Frieze 1984), и его расово-идеологические предубеждения (см.: Martin 1980: 135, 138; Krebs 1984: С. 23; о расово-идеологическом облике Японии сквозь национал-социализм см.: Frieze 1984), все же можно констатировать отчетливое восхищение Гитлером Японией. По меньшей мере это действительно для того времени, когда Япония смогла достигнуть своих военных успехов в Тихоокеанской войне.
В записанных Генри Пикром «Застольных беседах» Гитлер несколько раз высказывается по поводу Японии и японцев. Раздираемый между

Тотальность философского дискурса проблема самоопределения современной философии.

расистским самомнением, которое ставит японцев на одну ступень с чертом из поговорок, «с которым они якобы связались, чтобы победить» (Picker 1983: 310), и восхищением перед острым умом японцев (Picker 1983: 404), Гитлер читает лекцию 4 апреля 1942 года «о Государственной религии или даже государственной философии» японцев. Государственная философия японцев была наиболее существенным исходным пунктом их успеха.

Восхищение Гитлера Японией подчеркивается в частности Эрнстом Нольте (1984: 501):

«Его настоящими партнерами были, конечно, японцы, и он должен был неоднократно защищаться даже в отношении самого себя против упреков в предательстве своих собственных расистских принципов. Но программные основания, которые он дает по случаю, не говорят главного; он скорее искренне восхищается страной на Дальнем Востоке. Япония является ему со своей нетронутостью христианством, своей недоступностью для евреев, со своей внутренней замкнутостью и своим культом героев словно естественно фашистская страна, которая указывает направление для своих собственных усилий».

8. В русском переводе цит. по: Мотоори Норинага. Душа бога Наоби // Синто – путь японских богов: В 2 т. Т. II. Тексты синто. СПб.: Гиперион, 2002. – С. 243.
9. Там же.
10. Там же. С. 257-258.
11. Motoori Norinaga, Kojikoden I, 1901: 7.
12. Motoori Norinaga, Tamakatsuma, III, 1902: 65; Saegusa 1936, V: 198; vgl. Benl/Hammitzsch 1956: 243.
13. См. дискуссию концепции кокутай у Antoni 1987.
14. «Императорский закон об образовании» канонически определил основные элементы доктрины кокутай. Текст: Okubo 1969: 425; Murakami 1977: 154.
15. Текст: Mombusho (Hrg.) 1937; vlg. Gauntlett/Hall 1949.
16. Kokutai no Hongi, 1937: 28, 94; vgl. Gauntlett/Hall 1949: 75, 132.
17. О проблеме сопоставимости немецкой, итальянской и японской систем и вытекающем отсюда вопросе о «пригодности распространенного понятия

- фашизма» см.: Martin 1981. Автор приходит к выводу о сопоставимости лишь в идеологическом, но не фактически политическом отношении.
18. Grimm 1981, Bd. III: iii-iv.
19. Исходя из того знания, которое в Японии привело к составлению *Кокутай но хонги*, что государственная идея наиболее эффективно могла быть распространена посредством общеобразовательной школы, в 1933 году Альфред Розенберг (1933: 59f.) дал основополагающие разъяснения в своем комментарии к программе партии НСДАП: «величие немецкой крови» должно пробудиться во многих миллионах. «Но это деяние, создавая, должно образовать новые поколения, а не снова исчезнуть после большого пожара и потом остаться забытым, таким образом национал-социалистическое народное государство должно требовать одного: школы!»
20. Niedlich 1936: Vorwort ("Zum Geleit,,)
21. Raab 1935: 274.
22. Raab 1935: 278f.
23. См.: *Kokutai no Hongi*, 1937: 1-7; Gauntlett / Hall 1949: 51-55.
24. Raab 1935: 283.
25. Rosenberg 1937 (1922): 18.
26. Rosenberg 1937 (1922): 57.
27. Rosenberg 1933: 15.
28. См. в том числе: Kimura (1973: 1302): "Ehre des Staates (Landes)".
29. В основе данного исследования лежит издание 1942 года (5. Auflage / 81. – 100. Tausend / 1942).
30. Rosenberg 1942 (1930): 684.
31. Об отношении национал-социализма и христианства см. Scholder 1977; основные черты «немецкого движения за веру», возникшего в 1934 году, Scholder (1977, I: 574) схватывает следующим образом: «Отношение к христианству должно было быть чрезвычайно терпимым: хотя это, вероятно, всегда в немецком народе дается общиной Иисуса, 'но нормативная, т.е. авторитетная религиозная власть' в будущем может быть только у 'немецкой веры', поскольку 'эпоха христианства подходит к концу'». О позиции христианства в идеологии СС см. Ackermann 1970: 88-96. Я благодарен Бернду Мартину, Фрайбург, за соответствующие ссылки.

Библиография:

1. Ackermann, Josef. Henrich Himmler als Ideologe. Göttingen, 1970.
2. Antoni, Klaus. Kokutai – Das ‘Nationalwesen’ als japanische Utopie. In: Saeculum, Heft 2/3, 1987: 313-329.
3. Benl, Oscar; Hammitzsch, Horst. Japanische Geisteswelt. Vom Mythos zur Gegenwart. Baden Baden, 1956.
4. Boberach, Heinz (Hrg.). Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS 1938-1945. Vollständige Texte aus dem Bestand des Bundesarchivs Koblenz. 17 Bände, Herrsching, 1984.
5. Friese, Eberhard. Das deutsche Japanbild 1944 – Bemerkungen zum Problem der auswärtigen Kulturpolitik während des Nationalsozialismus. In: J. Kreiner (Hrg.): Deutschland – Japan. Historische Kontakte. Bonn, 1984.
6. Gauntlett, J.O.; Hall, R.K. Kokutai no Hongi: Cardinal Principles of the National Entity of Japan. Cambr. Mass. 1949.
7. Grimm, Jakob. Deutsche Mythologie. III. Band. (Ullstein Materialien). Ungekürzte Ausgabe. Frankfurt, Berlin, Wien, 1981.
8. Jäckel, Eberhard. Hitlers Weltanschauung. Entwurf einer Herrschaft. Erweiterte und überarbeitete Neuausgabe. Stuttgart, 1986.
9. Kimura Kinji. Großes Japanisch-Deutsches Wörterbuch. Tokyo, 1973.
10. *Kojiki*. Ausgabe: Nihon-koten-bungaku-taiei, Bd. 1. Tokyo.
11. *Kokutai no Hongi*. Herausgeber: Mombusho, 1937.

12. Krebs, Gerhard. Japans Deutschlandpolitik 1935-1941. Eine Studie zur Vorgeschichte des Pazifischen Krieges. 2 Bände, (MOAG, Band 91), Hamburg, 1984.
13. Martin, Bern. Japan und der Krieg in Ostasien. Kommentierender Bericht über das Schrifttum. In: Historische Zeitschrift, Sonderheft 8, München, 1980.
14. Martin, Bern. Zur Tauglichkeit eines übergreifenden Faschismus-Begriffes. Ein Vergleich zwischen Japan, Italien und Deutschland. In: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, Bd. XXIX, 1981: 48-73.
15. Motoori Norinaga. Kojikiden. Ausgabe: Motoori Nrinaga zenshu, Bd. 1-3. 1901.
16. Motoori Norinaga. Takamatsuma. Ausgabe: Motoori Nrinaga zenshu, Bd. IV. 1902.
17. Murakami Shigeyoshi. Tenno no saishi. Tokyo, 1977.
18. Niedlich, Kurd. Das Mythenbuch. Die germanische Mythen- und Märchenwelt als Quelle deutscher Weltanschauung. Leipzig, 1936.
19. *Nihongi*. Ausgabe: Nihon-koten-bungaku-taiki, Bd. 67/68, Tokyo.
20. Nolte, Ernst. Das Faschismus in seiner Epoche. Action francaise, Italienischer Faschismus, Nationalsozialismus. München, Zürich, 1984.
21. Okubo Toshiaki (Hrg.). Kindai-shi shiryō. Tokyū, 1969.
22. Picker, Henry. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. Vollständig überarbeitete und erweiterte Neuauflage. Wiesbaden, 1983.
23. Raab, Gerhard. Ewiges Germanien. Unser Mythos und sein Gestaltwandel. Leipzig, 1935.

24. Rosenberg, Alfred. Das Wesensgefüge des Nationalsozialismus. Grundlagen der deutschen Wiedergeburt. München, 1933.
25. Rosenberg, Alfred. Das Parteiprogramm. Wesen, Grundsätze und Ziele der NSDAP. Herausgegeben und erläutert von Alfred Rosenberg. München (1922), 1937.
26. Rosenberg, Alfred. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. München (1930), 1942.
27. Saegusa Hiroto. Nihon tetsugaku zensho. 12 Bde., Tokyo, 1936.
28. Scholder, Klaus. Die Kirchen und das Dritte Reich. 2 Bde. Frankfurt, 1977.
29. Stolte, Hans. Motoori Norinaga: Naobi no mitama. In: Monumenta Nipponica II/1, 1939.